
**Добродетели и пороки японского удельного правителя
в период Сэнгоку (по материалам «Коёгункан»)**

С. А. Полхов

В статье изучается восприятие вассалами власти удельного князя в Японии периода «воюющих княжеств» (Сэнгоку) на основании «Коёгункан», одного из важнейших источников по японской истории конца Средних веков и начала Раннего Нового времени. Согласно «Коёгункан», характер даймё определяет личные качества и манеру поведения его самураев. Военная доблесть, совершенство на «пути войны» – одно из главных достоинств удельного властителя. Положительный и отрицательный образы власти в основном конструируются на основе конфуцианских, а не буддийских идей и понятий.

Ключевые слова: период Сэнгоку, сэнгоку даймё, «Коёгункан», Обата Кагэнори, самурай, образ власти, Такэда Сингэн.

Как известно, в период «воюющих княжеств» (Сэнгоку, 1467–1590) Япония, переживавшая период политической децентрализации, была разделена на уделы, управлявшиеся провинциальными властителями – *сэнгоку даймё*¹. Существовавший в ментальности воинов эпохи «воюющих княжеств» положительный или отрицательный образ власти не мог не определять их отношение к даймё. Лояльность вассалов в период смут и междоусобной борьбы в немалой степени зависела от сравнения их господина с неким эталоном, идеальным образцом, несоответствие которому было чревато мятежами, переворотами и предательствами. Наконец, изучение имиджа власти² важно в контексте воссоздания общей картины мира японских воинов, понимания особенностей их мировоззрения и основополагающих ценностей.

Источником для данного исследования послужил текст «Коёгункан» (甲陽軍鑑, далее «К»), который относят к «военным повестям» (*гунки*), описывающим историю княжеских родов. Проблема генезиса его текста остается не разрешенной до конца³. Этот памятник сформировался

¹ *Сэнгоку даймё* (戦国大名) – термин, закрепившийся в новейшей японской историографии XX в. и не использовавшийся в период Сэнгоку для именованя удельных князей.

² В отечественной японистике аналогичная тема разрабатывалась в основном на материалах эпох Нара и Хэйан. *Мещеряков А. Н., Грачёв М. В.* История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002. Есть и работы, в которых осуществлен глубокий компаративистский анализ функций верховной власти в Японии. *Мещеряков А. Н.* Японский тэнно и русский царь: формирование модели управления. М.: Гуманитарий, 2004. *Он же.* Японский император и русский царь. Элементная база. М.: Наталис, Рипол классик, 2004.

³ Различные версии японских ученых о происхождении «К», рассмотрены в следующих статьях: *Полхов С. А.* Проблема авторства и генезис текста «Коёгункан» в современной япон-

не позднее 1621 г. В «К», судя по всему, вошли записи Косака Дандзё Масанобу (Касуга Торацуна, 1527–1578), вассала дома Такэда, а также разнообразные источники, включая официальные документы. Хотя «К» записан от имени Косака, он не был единственным автором и составителем сочинения. Окончательный свой вид «К» приобрел благодаря участию вассала дома Токугава по имени Обата Кагэнори (1572–1663), чьи предки служили под началом Косака Масанобу. Обата Кагэнори, вероятно, не был всего лишь переписчиком текста, он мог добавить в «К» как истории, услышанные от бывших вассалов Такэда, так и другие материалы – свод законов «Косю хатто-но сидай», введенный в действие Такэда Сингэн, а также наставления Такэда Нобусигэ (1525–1561) в 99 статьях и др.⁴

Даже если Обата Кагэнори был истинным составителем «К» и автором части текста (хотя какой именно, пока непонятно), ценность этого источника для воссоздания умонастроений и идеологии самураев периода *Сэнгоку* бесспорна. Вставки, сделанные Кагэнори, наряду с разнообразными источниками, инкорпорированными в «К», содержат важные данные для понимания менталитета японских воинов конца Средневековья и начала Раннего Нового времени. Воззрения, ценности, моральные принципы воинов, постепенно складывавшиеся в годы смут и потрясений, были кодифицированы в «К». Этот письменный памятник вполне пригоден для изучения истории периода «воюющих княжеств». Он возник в самом начале новой эпохи, когда были живы многие воины, служившие Такэда. С ними был лично знаком Обата Кагэнори, происходивший из их среды. Социально-политические реформы, проведенные за годы правления Тоётоми Хидэёси (1537–1598) и Токугава Иэясу (1542–1616), не могли мгновенно разрушить социальную психологию самурайства, которое и значительно позднее искало в периоде *Сэнгоку* образцы для подражания. Ошибочно было бы думать, что идеология воинов быстро и кардинальным образом преобразилась всего лишь через двадцать лет после битвы при Сэкигахара (1600 г.)

ской историографии (Часть 1) // Японские исследования. № 4. 2016; Полхов С. А. Проблема авторства и генезис текста «Коёгункан» в современной японской историографии (Часть 2) // Японские исследования. № 1. 2017.

⁴ Представляется, что для Косака Масанобу не было необходимости предпосылать тексту «К» законы, принятые Такэда Сингэн, и наставления Такэда Нобусигэ. И уложение, и статьи Нобусигэ, видимо, были доступны самураям Такэда, а тем более двум советникам Такэда Кацуёри (1546–1582) – Нагасака Торафуса (?–1582) и Атобэ Кацусукэ (?–1582). Между тем, «К» адресован этим двум приближенным даймё. Зачем было ставить в начало «К» хорошо известные тексты? Вполне возможно, что их добавил не Косака, а Обата Кагэнори, задавшийся целью на основе записок Косака и других материалов рассказать об обычаях, традициях и славном прошлом клана Такэда. Главным героем стал даймё Такэда Сингэн (Такэда Харунобу, 1521–1573).

Наконец, стоит отметить, что в «К» встречаются неточности в датировках; наряду с ценными данными, о которых не говорит ни один другой источник, есть недостоверная информация. Однако фактические ошибки не столь существенны для целей нашего исследования, поскольку при исследовании мировоззрения и идеологии важно понять, каким виделось то или иное явление представителям определенной социальной группы.

Тайсё, даймё, кунимоти

Удельный правитель эпохи «воюющих княжеств» именуется в «К» по-разному. Слово *тайсё* (военачальник, 大將) встречается так часто, что Сакаи Кэндзи в своем указателе не стал подсчитывать точное число его упоминаний⁵. В основном, *тайсё* отождествляется с *кунимоцу тайсё* («военачальник, владеющий провинцией») ⁶ или *кунимоти* («владеющий провинцией») ⁷, а также даймё⁸ (реже – *кунимоти даймё* – «даймё, владеющий провинцией», *кокусю* – «властитель провинции», 国主). Во всех этих случаях речь идет о властителе одной или нескольких (многих) провинций Японии. Слово куни в «К» иногда обозначает просто отдельную провинцию, но иногда и ее часть, или несколько провинций, управляемых военачальником – даймё⁹. Слово *тайсё*, которое беспрестанно мелькает на страницах «К», встречается в сходном значении и в более ранних письменных памятниках, например, в наставлениях даймё Ходзё Удзицуна (1486–1541), датировемых 1541 г. (ст. 1–4)¹⁰. В ст. 2 этого ис-

⁵ 甲陽軍鑑大成索引篇 (Коёгункан тайсэй. Сакуин хэн). Полный текст Коёгункан. Т. 3. Указатель / сост. Сакаи Кэндзи. Токио: Кюко сёин, 1994, С. 404.

⁶ 国持大將 (くにもつたいしょう). Упоминается в тексте «К» 26 раз.

⁷ *Кунимоти* – 国持 (くにもち). Упоминается в тексте «К» 33 раза. При сёгунате Муромати *кунимоти-сю* (国持衆) – уважительное именование даймё, отпрысков боковых линий Асикага или наследственных вассалов этого рода, занимавших посты *сюго* – военных наместников провинций. Со временем превратилось в почетный титул. *Кунимоти-сю* не назначались на пост *канрэй* и не признавались *сёбансю* («сотрапезниками» сёгуна). В период *Сэнгоку* звание *кунимоти-сю* даровалось князьям (даймё) сёгуном. 時代別国語大辞典 室町時代編 (Дзидай бэцу кокуго дайджитэн. Муромати дзидай хэн). Большой словарь японского языка по эпохам. Период Муромати. Т. 2. Токио: Сансэйдо, 1989. С. 745. В «К» этот термин встречается лишь один раз. К. Т. 4. Сакуин хэн. С. 208. Гораздо чаще обнаруживаются в «К» синонимичные наименования *кунимоцу тайсё* и *кунимоти* – удельные правители, которые могли и не иметь титула *кунимоти-сю*. В словаре лексики эпохи Муромати *кунимоти* – даймё периода *Сэнгоку*, владевший одной и более провинциями. Дзидай.... Муромати дзидай хэн. Т. 2. С. 745.

⁸ Упоминается в тексте «К» лишь 11 раз.

⁹ В словаре лексики эпохи Муромати перечислены следующие значения слова *куни* (国): 1) населенная людьми земля, в противоположность небесам; 2) территория, на которую распространяется влияние императора («сына неба») или какого-либо правителя; 3) провинция – единица административно-территориального деления в древней Японии; 4) земля, где жили поколения предков и где кто-либо родился; 5) *сюго*. Дзидай.... Муромати дзидай хэн. Т. 2. С. 741.

¹⁰ 武家家訓・遺訓集成. 小沢 富夫 (編集) (Букэ какун икун сюзэй. Одзава Томио хэн-сю). Собрание наставлений и увещаний военных домов / сост. и коммент. Одава Томио. Токио: Периканя, 1993. С. 119–121.

точника упоминается и «владеющий провинцией» военачальник. В то же время в «К» *тайсё* в сочетании с другим словом может означать и военачальника – вассала *кунимоцу тайсё*, командующего военными отрядами (*асигару тайсё*, 足軽大将; *самурай дайсё*, 侍大将)¹¹.

Достоинству правителю противопоставляются дурные властители. Изображение пороков и недостатков последних призвано подчеркнуть положительные характеристики «хорошего» даймё. В «К» описываются портреты четырех даймё, негативные качества которых неизбежно ведут к гибели их дома (*иэ*, 家) и удела (*куни*, 国): «военачальника–дурака» (*бака нару тайсё*, ばかなる大将), «сверх меры расчетливого военачальника» (*риккон-но сугитару тайсё*, りこんのすぎたる大将), «трусливого военачальника» (*окубё нару тайсё*, おくびやうなる大将), «чрезмерно сильного военачальника» (*цуёсугитару тайсё*, つようすぎたる大将)¹². Составитель «К» каждому типу недостойного властителя подобрал в качестве примера того или иного даймё периода «воюющих княжеств». Кроме того, в «К» осуждается «неблагоразумный военачальник» (*кокоро-но итарану тайсё*, 心のいたらぬ大将), который, пытаясь подражать «хорошему» полководцу, проявляет свои недостатки¹³.

Согласно «К», личные качества даймё определяют процветание или гибель того или иного княжеского дома. Недостойные поступки и просчеты военачальника повторяют его вассалы и подданные: вслед за даймё заблуждаются старейшие вассалы (*каро*, 家老), должностные лица (*якуся*, 役者), остальные самураи, и подданные «вплоть до самых низов»¹⁴. Если добродетелен военачальник, то подвластные ему также добродетельны. Если военачальник дурен, то и все, кто находится под его властью, таковы же. Если военачальник прям, то и его вассалы прямы¹⁵.

Таким образом, добродетели и пороки военачальника влияют на нравы вассалов и жителей удела, что соответствует хорошо известным идеям конфуцианства. Если даймё, не отличая верных и преданных, возвышает тех, к кому проявляет сиюминутную благосклонность, и покровительствует их родственникам, значит, он несправедлив и пристрастен, не ведаёт что такое стыд. Тогда и подвластные ему, и высокого и низкого поло-

¹¹ *Самурай дайсё* в «К» помимо вышеприведенного значения – владелец уезда, который может стать вассалом более могущественного даймё. 甲陽軍鑑大成 (Коёгункан тайсэй). Полный текст Коёгункан. Т. 1. Сост., исслед., коммент. Сакаи Кэндзи. Токио: Кюко сёин, 1994. С. 233. Далее цитируется: К. Т. 1.

¹² 我が国をほろぼし、我が家をやぶる大将 (*вага иэ о хоробоси*, *вага иэ о ябуру тайсё*) – «военачальник, губящий свое княжество и уничтожающий свой клан» К. Т. 1. С. 97.

¹³ К. Т. 1. С. 126–129. Описанию «неразумного военачальника» отведено немного места в отличие от критики четырех вышеупомянутых «плохих» военачальников. *Кокоро-но итари* (心の至り) – достаточная степень благоразумия и рассудительности. Дзидай.... Муромати дзидай хэн. Т. 2. С. 1075.

¹⁴ К. Т. 1. С. 234.

¹⁵ К. Т. 1. С. 303.

жения, лишены стыда и поступают дурно. Когда военачальник знает, что есть стыд, подвластным также знакомо чувство стыда, и они не говорят лишнего: не преувеличивают свои заслуги, не оскорбляют других. Напротив, потерявшие чувство стыда воины бегут с поля боя¹⁶.

Ум, чувство долга, сострадание

В «К» военачальникам, губящим свое княжество и свой род, противопоставляется «хороший» (*ёки*, 能) даймё. Его качествами, согласно «К», обладает, прежде всего, Такэда Сингэн¹⁷, который также именуется в тексте «прославленным военачальником» (*мэйтайсё*, 名大将), а также Ходзё Удзиясу и некоторые другие даймё. Одно из первых мест в списке добродетелей удельного князя в «К» занимает *фумбэцу* (分別), слово, часто встречающееся в «К». Согласно словарю японской лексики эпохи Муромати, *фумбэцу* – верная оценка, суждение, исходящие из правильного понимания обстоятельств; способность к такому суждению, оценке¹⁸. В данной статье это слово переводится как «ум», «рассудительность»¹⁹.

Еще одно свойство «хорошего» полководца – *сэнсаку* (穿鑿) – способность выведать, разузнать до мелочей, для того чтобы удостовериться в чем-либо²⁰. В этом исследовании *сэнсаку* переведено как «разумение».

Для «хорошего» военачальника важны не только «интеллектуальные», но и «волевые», «моральные» свойства. Бесстрашие, храбрость – неотъемлемая черта его характера. В то же время отвага приписывается в «К» многим даймё, не только «хорошим» (Такэда Сингэн, Ходзё Удзиясу), но и «глупым» (Имагава Удзидзанэ) или «чрезмерно сильным» даймё (Такэда Кацуёри).

«Хороший» военачальник глубоко сострадателен (*дзихи фукаси*, ちひふかし)²¹. «Сострадание и жалость», или сострадательность (*дзихи*) –

¹⁶ К. Т. 1. С. 235, 236.

¹⁷ Такэда Сингэн в «К» воплощает в себе черты «идеального» князя и военного предводителя. В 1541 г., изгнав отца Нобутора (1494–1574), он сам стал править княжеством. Многие современники ставили ему в вину сыновнюю непочтительность – величайшее прегрешение с точки зрения конфуцианства, оказавшего глубокое влияние на образ мыслей воинов. Вместе с тем в «К» свержение Нобутора представлено как необходимое и положительное деяние. Нобутора описывается в «К» как вспыльчивый и жестокий правитель, несправедливо каравший вассалов за малейшие проступки. К. Т. 1. С. 212. С другой стороны, лишение власти Нобутора, который описывается и как умелый военачальник, а также подчинение вассалов отца, преподносится в «К» как еще одно свидетельство исключительных способностей молодого Сингэна. К. Т. 1. С. 225. В заслугу Сингэн ставится и то, что он, несмотря на свою правоту, стыдился свержения отца и не брал в руки «Лунь юй», где много написано о почтении к родителям. К. Т. 1. С. 119.

¹⁸ Дзидай бэцу кокуго дайзэитэн. Муромати дзидай хэн. Т. 4. Токио: Сансэйдо, 2000. С. 1051.

¹⁹ *Фумбэцуся* (分別者) – тот, кто, понимая положение дел, делает правильную, соответствующую ситуации оценку. Там же.

²⁰ Дзидай бэцу кокуго дайзэитэн. Муромати дзидай хэн. Т. 3. Токио: Сансэйдо, 1994. С. 811.

²¹ К. Т. 1. С. 114.

одно из ключевых буддийских понятий²². В «К» «сострадательный» даймё не налагает на вассалов и подданных тяжелых поборов и податей, принимает на службу ронинов из других земель Японии, при завоевании других княжеств не истребляет всех воинов, живущих там, а привлекает их на свою сторону. *Дзихи* в «К» – социально-политическая категория, которая определенно корреспондирует с жэнь (仁, гуманность, человеколюбие) конфуцианской традиции.

Кроме того, он преисполнен чувства долга (*гири*, 義理). *Гири* в «К» – одна из ключевых характеристик достойного правителя. *Гири* соотносится с китайским *и* (義), означающим должную справедливость, долг, чувство долга и др.²³ Примечательно, что наставления Ходзё Удзицуна начинаются с провозглашения важности *гири* (*ги*): «Не только военачальник, но и все самураи всенепременно должны следовать долгу». Даже если полководец покорил одну или две провинции, нарушение долга навлекает на него позор. Если же, утратив удачу, военачальник долгу не изменил, в будущем его хулить не будут, пишет Удзицуна²⁴.

Хорошему военачальнику также свойственна благовоспитанность и учтивость. В «К» большое значение придается манерам поведения (*гэги*, 行儀): среди владетелей провинции (*кокусю*, 国守), которые слынут прославленными военачальниками, нет ни одного с плохими манерами. В «К» приводится перечень обуславливающих друг друга качеств «хорошего» даймё. Если хороший военачальник держится внешних приличий, у него глубокое чувство долга (*гири*). Если же чувство долга глубоко, то есть и ум (*фумбэцу*). Если есть ум, есть и сострадание (*дзихи*)²⁵.

Даймё, которые противопоставляются «хорошему» военачальнику, лишены или не наделены в должной мере вышеперечисленными качествами. Не обладающий рассудительностью (*фумбэцу*) «военачальник-дурак» падок на лесть своих вассалов, которые превозносят его вне за-

²² Согласно определению Н. Н. Трубниковой, сострадание (悲, яп. хи, кит. бэй) – одно из ключевых понятий буддизма, часто входящее в словосочетание «жалость-сострадание» (дзихи 慈悲), «обозначает то отношение к миру непостоянства, которое свойственно Будде и бодхисаттвам». Трубникова Н. Н. Словарь терминов. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Termin.htm>. «Жалость и сострадание» (кит. цыбэй, яп. дзихи). В буддизме «жалость» трактуется как мысли и забота о том, чтобы живые существа обрели всяческие радости, и прежде всего радость от Дхармы Будды, а «сострадание» – как мысли об освобождении живых существ от страданий». Сутра о Бесчисленных Значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о Постижении Деяний и Дхармы Бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. Изд. подгот. А. Н. Игнатович, В. В. Северская. 2-е изд. М.: Ладомир, 2007. С. 478.

²³ *И*, относящееся к пяти постоянствам (*у чан*) существования человека, представляет собой нормы должных социальных отношений между членами семьи, а также между государем и подданным. Еще один смысл – «принцип поведения мужа правителя или харизматического лидера». *И* как моральный долг или обязанность по отношению к другому противопоставляется пользе/выгоде (*ли*) как эгоистическому интересу. Духовная культура Китая. Т. 1 / под ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2006. С. 265–266.

²⁴ Букэ какун икун сюсэй. С. 119.

²⁵ К. Т. 1. С. 115.

висимости от реальных успехов или неудач. «Хороший» военачальник достаточно проницателен и умен, чтобы самостоятельно оценивать свои деяния и не поддаваться на лесть²⁶.

«Сверх меры расчетливый» даймё²⁷ превыше всего ставит расчетливость (*рикон*), и её избыток делает такого князя надменным и спесивым. Однако, как говорится в «К», его мысли поверхностны, ибо он не обладает рассудительностью (*фумбэцу*) и разумением (*сэнсаку*). «Сверх меры расчетливый военачальник» склонен пренебрегать словами и делами знаменитых людей прошлого и нынешнего времени. Он не отличает добро от зла и лишен сострадательности, хоть и произносит красивые речи²⁸. «Сверх меры расчетливый военачальник» неучтив и не обладает хорошими манерами, для него важнее всего плотские утехы, отчего его все ненавидят и бранят. Он не ведаёт чувства долга, склонен ко лжи, преувеличивает свои заслуги в случае победы над врагом в сражении²⁹.

«Трусливый военачальник», образцом которого в «К» представлен Уэсуги Норимаса (1523–1579)³⁰, старается выглядеть умным, не имея ни рассудительности, ни разума. Согласно «К», он труслив, глуп, завистлив и любит лесть. Он не обладает сострадательностью, не может оценивать достоинства и недостатки людей, что является свойством «хорошего» полководца, он пренебрегает долгом³¹. Недостатки «трусливого» даймё распространяются и среди его вассалов. Большинство самураев Уэсуги Норимаса были глупы, грубы. Почти все вассалы были нерадивы (*букокорогакэ*, ぶこころがけ) на службе. Нравы самураев всех состояний – и низкого, и высокого portano, и дом «трусливого» даймё неизбежно двигался навстречу своей гибели³².

²⁶ К. Т. 1. С. 98.

²⁷ В главе «К» о «сверх меры расчетливых военачальниках» упомянут Ходзэ Соун (1432–1519), основатель дома Ходзэ (Гоходзэ). При этом Ходзэ Удзиясу (1515–1571), внук Соун, удостоен в «К» самых лестных характеристик. Кроме того, «сверх меры расчетливым военачальником» назван и Такэда Ёсинобу (1538–1567), старший сын Такэда Сингэн. Он должен был стать наследником отца, но в 1565 г. был обвинен в заговоре и в 1567 г. принужден к самоубийству. В «К» в вину Ёсинобу вменяется непочтительность к отцу. Разлад между Сингэн и Ёсинобу наступил после четвертой битвы при Каванакадзима в 1561 г., когда Ёсинобу раскритиковал действия отца во время сражения. «Сверх меры расчетливый военачальник», согласно «К», есть на деле величайший глупец: он становится врагом своему отцу. В вину Ёсинобу в «К» ставится его женолюбие. Он будто бы тайно вступал в связь с дочерьми горожан и крестьян, свыше всякой меры нарушая приличия. К. Т. 1. С. 117–120.

²⁸ К. Т. 1. С. 108.

²⁹ К. Т. 1. С. 115.

³⁰ Уэсуги Норимаса – отпрыск рода Яmanoути Уэсуги. Занимал должность *Канто канрэй*, помощника управителя области Канто. Терпя поражения от дома Гоходзэ, Уэсуги Норимаса в 1552 г. бежал в провинцию Этиго. В 1561 г. передал свою фамилию и пост *Канто канрэй* Нагао Кагэтора (Уэсуги Кэнсин, 1530–1578), правителю Этиго.

³¹ К. Т. 1. С. 121.

³² К. Т. 1. С. 122.

«Чрезмерно сильный военачальник» в «К» не лишен положительных черт. Он бесстрашен и красноречив, обычно сдерживает свой гнев, внешне спокоен и невозмутим³³. Однако он наделен переизбытком силы и отваги. Автор «К», исходя из идей китайской натурфилософии, пишет, что небо и земля, живое и неживое существуют благодаря земле, воде, огню, ветру. Однако переизбыток одного из этих элементов ведет к бедам и несчастьям для людей³⁴. Переизбыток «силы» приводит к напрасной гибели воинов дома «чрезмерно сильного военачальника». Последний склонен, не заботясь об осторожности, показывать свою силу в любом деле и всегда стремится побеждать.

Совершенство на «пути войны»

Военная функция является одной из первичных для удельного владельца. Неслучайно, в тексте памятника слова *даймё* и *тайсё* взаимозаменяемые. «Путь войны» (*будо*, 武道; *бухэндо*, 武邊道); «дела войны» (*бухэн*; 武篇, 武辺;), «путь воина» (*буси-но мити*, 武士の道; *бусидо*, 武士道), «путь лука и стрел» (*юмия-но мити*, 弓矢の道; *юмиядо*, 弓矢道), «путь мужа» (*отокодо*, *онокогодо*, 男道) – синонимичные понятия, которые в «К» означают мастерство в военном деле, умение одерживать вверх над врагом, в том числе благодаря уловкам и хитростям, а также бесстрашие и доблесть на войне. Успехи или неудачи на «пути войны» – важный критерий оценки деяний того или иного даймё.

В «К» «пути войны» придается первостепенное значение, пренебрежение им ведет к потере власти, падению княжеских домов. В наставлениях воинов эпохи Муромати можно обнаружить несколько иной взгляд. Например, в ст. 1 поучений Имагава Рёсюн (1325–1420) подчеркивается, что без знания пути *бун* (文) не обрести победы на пути войны (*будо*, 武道)³⁵. В последней, 21-й статье наставлений, приписываемых Ходзё Соун (1432–1519), указывается на необходимость овладения и путем *бун*, и «путем войны»³⁶.

В эпоху Муромати под *бун* понималась грамотность и образованность, состоявшая в знании китайской политической философии, истории Китая и Японии, китайских военных трактатов и комментариев к ним, законов бакуфу, буддийских сутр, основ науки того времени³⁷. Эти знания считались необходимыми для исполнения самураями не

³³ К. Т. 1. С.146.

³⁴ К. Т.1. С.151.

³⁵ Steenstrup Carl. The Imagawa Letter: a Muromachi Warrior Code of Conduct which Became a Tokugawa Schoolbook // Monumenta Nipponica, Vol. 28. 1973. № 3. P. 76.

³⁶ Steenstrup Carl. Hojo Soun's Twenty One Articles. The Code of the Conduct of the Odawara Hojo // Monumenta Nipponica, Vol. 29. 1974. № 3. P. 117.

³⁷ Steenstrup. The Imagawa Letter. P. 299–300. Steenstrup. Hojo Soun's Twenty One Articles. P. 302.

только политико-административных, но и отчасти военных функций. Ценились также умение слагать стихи на японском и китайском языке, знакомство с классической литературой эпохи Хэйан, знание церемониала. Освоение воином многовекового наследия придворной культуры позволяло ему поддерживать отношения со столичной аристократией, получать от императорского двора по-прежнему высоко ценившиеся титулы и звания³⁸.

Согласно «К», военачальнику, искусному в военном деле (*бу*, 武), увлечение искусством или поэзией не возбраняется. В «К» о Ходзэ Удзису сказано, что он читал стихи, казался изящным и красивым обликом, но когда гневался, брал меч или алебарду (*нагината*), был так грозен, что напоминал Хань Синя³⁹ и Фань Куая⁴⁰. Сингэн превосходно овладел «путем войны» и при этом увлекался театром Но, сочинял японские и китайские стихотворения, любовался изящными и утонченными вещами. Напротив, «неблагоразумный военачальник», пытающийся подражать «хорошему» даймё, искусному как на «пути войны», так и на пути *бун*, вникающему в «закон Будды» (*бунпо*, 佛法) и в светские законы (*сэхо*, 世法), становится похож на читающего китайские книги монаха, а его самураи приобретают манеры придворных аристократов (*күгэсю*, 御衆) и пренебрегают «путем войны»⁴¹.

Даймё, забывающий о «пути войны» и предающийся наслаждению искусством, обрекает себя на гибель. В «К» князем, забросившим военное дело ради пути *бун*, представлен Оути Ёситака (1507–1551)⁴². Он в совершенстве освоил разные искусства, знал буддийские сутры и другие сочинения, слагал стихи на японском и на китайском, его манеры были учтивыми⁴³. Однако рвения к военному искусству Ёситака не проявлял. Он будто бы говорил, что в предшествующее правление⁴⁴ дом Оути часто вел войны и покорил много провинций. Согласно «К», военные свершения этого дома оказались столь велики, что даймё и вассалы Оути перестали уделять внимание пути *бу*. Вассалы Оути (и низкого, и высокого звания) вслед за Ёситака стали читать книги, сочинять китайские и японские стихи, думая, что в военном деле нужды нет. «К» рисует картину вырождения нравов самураев клана Оути. Начитавшись книг, самураи Оути будто бы стали знаться лишь с богачами, в том числе, с горожанами, сторонились воинов, которые были ни-

³⁸ Steenstrup. The Imagawa Letter. P. 300.

³⁹ Хань Синь (230–196 гг. до н.э.), Фань Куай (?–189) – военачальники китайской династии Хань.

⁴⁰ К. Т. 1. С. 131.

⁴¹ К. Т. 1. С. 128.

⁴² Могущественный даймё Западной Японии, владевший семью провинциями. В 1551 г. покончил с собой после мятежа вассала Суэ Харуката.

⁴³ К. Т. 1. С. 263.

⁴⁴ При Оути Ёсиоки (1477–1528), отце Ёситака.

же их по положению. Они преисполнились алчности⁴⁵. Вассалы ненавидели своего господина, хоть и оттачивали внешнюю благопристойность, они не ведали, где зло, а где добро, были грубы по отношению к другим. Манеры поведения самураев Оути оказались «слишком учтивыми» и стали непристойными⁴⁶.

По «К», Ёситака, забыв о «пути лука и стрел», стал хорошо разбираться в «ненужных» и «пустых» предметах. Его примеру последовали вассалы, и княжество Оути пало. Автор «К» подчеркивает, что погибло оно не потому, что воины проявляли любовь к учению и «культурности», а потому, что они оставили военное искусство. Воин обязан всецело посвятить себя своему пути, подчеркивается в «К»⁴⁷.

Талант полководца и частые победы в сражениях – важнейшее качество «хорошего» даймё. Высоко ценится умение разбить превосходящее по численности войско врага малыми силами. Автор «К» хвалит Уэсуги Кэнсин, который будучи 14 лет от роду, с 2 тыс. воинов разбил втрое превосходящий по численности отряд врагов, а также Ходзё Удзиясу, который имея войско в 8 тыс. человек, в битве у замка Кавагоэ разгромил армию в 80 тыс. человек⁴⁸. Военные поражения, согласно «К», ведут к гибели удела и военного дома, а также умаляют честь того или иного рода. Так, отмечается, что поражение в битве Такэда Сингэн было бы бесчестьем для 26 его предков – глав клана Такэда⁴⁹.

В «К» превозносится и приукрашивается военная доблесть Сингэн: до самой смерти ни разу не снимал осады с осаждаемого замка, не бежал в Каи перед лицом наступающего врага⁵⁰. Даже битву у замка Тоиси в 1550 г., рассматриваемую обычно как поражение Сингэн, составитель «К» называет победой: несмотря на тяжелые потери, князь не отступил с поля сражения, а по возвращении в Кофу на протяжении семи дней безмятежно наслаждался представлениями театра Но⁵¹.

В прошлом таких военачальников, как он, было мало, в будущем их много тоже не будет, отмечается в «К»⁵². Хотя Сингэн и одерживал победы в сражениях, вражеских полководцев он не хулил. Он был осмотрителен («побеждая, затягивал покрепче ремешки шлема»), рассылая в крепости на границах удела письма с указанием проявлять бдитель-

⁴⁵ К. Т. 1. С. 264.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ К. Т. 1. С. 266, 267.

⁴⁸ К. Т. 1. С. 272, 302. По-видимому, преувеличенная в «К» численность армии противников Удзиясу должна была подчеркнуть его военную доблесть и мастерство.

⁴⁹ К. Т. 1. С. 290.

⁵⁰ К. Т. 1. С. 206.

⁵¹ К. Т. 1. С. 150. О ходе битвы см. 磯貝正義. 定本 武田信玄 (*Исогаи Масаёси*. Тэйхон. Такэда Сингэн). Исправленное издание. Такэда Сингэн. Токио: Синдзинбуцу орайся, 1977. С. 150–152.

⁵² К. Т. 1. С. 149.

ность⁵³. Ходзё Удзиясу в «К» приписываются осмотрительность и невозмутимость⁵⁴.

«Хороший» военачальник, побеждая в сражении благодаря своему искусному командованию, превозносит не себя самого, а своих вассалов, включая воинов низкого ранга (*вакато* わかとふ, *кобито* 小人, *тюгэнсю* 中間衆 и др.). Под его началом служит много самураев, прославивших себя военными подвигами (*бухэн обозэ-но моно*, 武辺おぼへの者). «Хороший» военачальник проявляет внимание по отношению и к самураям невысокого положения. Именно так поступал Сингэн, говорится в «К»⁵⁵.

Согласно «К», увеличение территории удела и её сохранение в неприкосновенности – важнейшая функция даймё. «Владеющий провинцией» военачальник захватывает другие уделы (*куни*), даже если на их правителях нет какой-либо особой вины⁵⁶. Тем самым оправдывается завоевание чужих земель. Такэда Сингэн ставится в заслугу то, что он завоевал земли, лежавшие в 8–9 дней пути от провинции Каи. Пока был жив Сингэн, ни один замок, ни один уезд его удела не был отнят врагом. Согласно «К», могущество Сингэн проявлялось и в том, что он брал заложников от военачальников других провинций, но не отправил ни одного из сыновей своих виднейших вассалов (*каро*, 家老) в другие земли как заложника⁵⁷.

В «К» Сингэн связывает свою заботу о вассалах с собственными интересами. С помощью воинов побеждают в сражении и расширяют пределы княжества. Увеличив удел, можно дарить новые милости (*каон*, かをん) своим самураям, какого бы положения они ни были. Ведь сокровенное желание самурая – добиться успеха и получить владение, или прибавить новые земли к своим владениям, говорится в «К». Первая забота военачальника состоит в том, чтобы все его самураи вплоть до низкоранговых *касэмоно* (かせもの), *тюгэн* и *комоно* испытывали благодарность за его милости⁵⁸.

«Военачальник-дурак» и «трусливый военачальник» в «К» пренебрегают «путем войны». Первый любит прогулки, всевозможные представления и зрелища, любование луной, цветами, диковинными вещами. Превыше всего он ставит всевозможные искусства (*гэйно*, げいのふ). Даже если «военачальник-дурак» часто совершенствуется в воинских искусствах (*бузэй*, ぶざい), занимаясь фехтованием, стрельбой из лука,

⁵³ К. Т. 1. С. 149, 225.

⁵⁴ К. Т. 1. С. 131.

⁵⁵ К. Т. 1. С. 115, 116.

⁵⁶ К. Т. 1. С. 83.

⁵⁷ К. Т. 1. С. 206.

⁵⁸ К. Т. 1. С. 198.

огнестрельного оружия, верховой ездой, он из-за глупости оказывается совершенно несведущ в «пути лука и стрел»⁵⁹.

«Трусливый» Уэсуги Норимаса на протяжении восьми лет не участвовал ни в одном сражении с домом Ходзё, а поскольку военачальника Уэсуги на поле битвы не было, то небольшие стычки и большие сражения дом Уэсуги проигрывал. Уэсуги Норимаса не хотел воевать с Ходзё и не любил военные походы из-за трусости, указывается в «К». Прямые вассалы (*хатамото*, はたもと) и другие воины дома Уэсуги перестали совершенствоваться во владении оружием. Они стали нарушать ранее введенные самим Норимаса предписания. В своих усадьбах предавались день и ночь неистовым танцам (*рамбу*)⁶⁰. Сугано Дайдзэн и Уэхара Хёго, приближенные (*сюттонин*, 出頭人) Норимаса, стали развлекаться с красавицами *сирабёси*⁶¹. Одна из них по имени Сакурагири развлекала Сугано, другая, которую звали Фудзигири – Уэхара. Остальные самураи дома Уэсуги стали им подражать. В результате увлечения *сирабёси* вассалы разорялись, и в доме Яmanoути Уэсуги появилось много воров⁶². Кроме того, самураи стали допускать излишества в еде, нарушая установления Норимаса, согласно которым полагалось есть лишь «простой обед» из супа и овощей, не считая риса (*итидзю иссай*, – 汁 – 菜)⁶³.

Закономерным итогом подобного упадка нравов, согласно «К», стало тяжелое поражение Уэсуги Норимаса в битве при Кавагоэ в 1546 г. После разгрома Сугано Дайдзэн и Уэхара Хёго бежали с поля боя, обгоняя князя Норимаса, а хорошие самураи дома Яmanoути Уэсуги полегли в битве, повествует «К». Яmanoути Уэсуги Норимаса был трусом и глупцом, поступавшим так, как говорили ему дурные советники, потому и потерпел поражение⁶⁴.

«Чрезмерно сильный военачальник», согласно «К», несмотря на отвагу, терпит неудачи на «пути войны». Он склонен, не заботясь об осторожности, показывать свою силу в любом деле и всегда стремится побеждать⁶⁵. Допуская промах, даймё терпит поражение, которое ведет к гибели почти всех хороших самураев. Многие его воины, забыв об осмотрительности, гибнут в мелких стычках с врагом⁶⁶. Оставшиеся в живых самураи боятся за свою жизнь, предпочитают не расставаться с

⁵⁹ К. Т. 1. С. 97.

⁶⁰ К. Т. 1. С. 138–139. Рамбу (らんぶ, 乱舞).

⁶¹ *Сирабёси* (しらびやうし) – 1) название популярного в эпохи Хэйан и Камакура танца, сопровождавшегося песней, а также его исполнительниц; 2) в эпоху Эдо в просторечии – проститутки. Нихон кокуго дайджитэн. Т. 7. 2-е изд. Токио: Сёгакукан, 2001. С. 441.

⁶² К. Т. 1. С. 142.

⁶³ К. Т. 1. С. 138–139, 142.

⁶⁴ К. Т. 1. С. 144–145.

⁶⁵ К. Т. 1. С. 146.

⁶⁶ К. Т. 1. С. 153.

женой и детьми, притворяются больными, пренебрегают ратной службой и забывают военное мастерство. Подобные вассалы, не исполняя верной службы, домогаются земельных пожалований. Они хуже воров, грабящих лавки ростовщиков. «Чрезмерно сильный военачальник» изгоняет этих «подобных обезьянам»⁶⁷ воинов, хорошие самураи уже пали в битве, и, в конце концов, он принимает на службу простолюдинов (*дзигэнин*, 地下人), уступающих даже «подобным обезьянам» самураям⁶⁸.

В итоге нравы вассалов портятся (*сахо асику нару*, さほうあしくなる). Поскольку нравы вырождаются, «военное дело» (*бухэн*) оказывается в упадке. В конце концов «чрезмерно сильный военачальник» оказывается слабым⁶⁹. К таким военачальникам «К» относит и Такэда Кацуёри. Как говорится в «К», молодой и отважный князь Кацуёри всегда старался превзойти своего отца. К тому же его приближенные (*сюттонин*) Нагасака Торафуса и Атобэ Кацусукэ советовали проявлять силу. В результате разгрома в битве при Нагасино погибли лучшие воины Такэда, выжили посредственные, «подобные обезьянам» самураи, отмечается в «К». Такие вассалы остры на язык, но дожив до 60–70 лет, умирают, так и не совершив ничего достойного. Их молва и зовёт «трусливыми воинами» (*окубё муся*, おくびやうむしや)⁷⁰. Таким образом, дом «чрезмерно сильного» даймё неизбежно клонится к упадку: преуспевают недостойные вассалы, не имеющие никаких военных заслуг, но поносящие других, глупые и трусливые.

Управление вассальным домом

«Хорошего» даймё отличает способность поддерживать порядок в вассальном доме. В «К» Сингэн постоянно совещается с виднейшими вассалами (*каро*) и нередко принимает их совет. Напротив, «дурные» военачальники предпочитают следовать советам одного или двух приближенных, игнорируя наставления *каро*. Таков «трусливый» Уэсуги Норимаса, внимавший лишь словам Сугано Дайдзэн и Уэхара Хёго, «глупый» Имагава Удзидзанэ, следовавший лишь рекомендациям Миура Уэмон, «чрезмерно сильный» Такэда Кацуёри, прислушавшийся лишь к тому, что говорили Нагасака Торафуса и Атобэ Кацусукэ. Соответственно учет мнения старейших вассалов, выслужившихся при предшествующих даймё, – черта достойного правителя. Напротив, недостойный военачальник не принимает их советы. «Слишком расчетливый военачальник» без причины завидует старейшим вассалам, изгоняет и казнит их. Однако эти репрессии ослабляют его власть. Таким образом, в «К» согласие даймё с виднейшими вассалами идет ему на пользу, то-

⁶⁷ *Сару-но готoku нару самураи* (猿のごとくなる侍).

⁶⁸ К. Т. 1. С. 154.

⁶⁹ К. Т. 1. С. 155.

⁷⁰ К. Т. 1. С. 157.

гда как разлад с ними и следование рекомендациям узкого круга наперсников приводит княжеские дома к неминуемому падению.

Согласно «К», «плохой» военачальник не в состоянии поддерживать равновесие между разными группами вассалов. Уэсуги Норимаса, желая увеличить свое могущество и утратить врагов, призывал в свой дом множество самураев из разных земель Японии. Новые вассалы Норимаса (*синдзан-но сю*, しんざんのしゆ), пришедшие из других провинций, получили от него слишком большие земли. Наследственным вассалам (*хондзан-сю*, 本ざん衆) доставалась лишь десятая часть владений новоприбывших. Однако последние и не думали о благе даймё, презирая его. Потомственные вассалы, обойденные княжескими милостями, возненавидели Норимаса и начали служить нерадиво. И те, и другие утратили верность⁷¹. Кроме того, Норимаса не учитывал задатки и способности своих людей и не умел использовать их на службе. В его доме наследственные вассалы (*фудай*, ふだい) становились «сторонниками» (*тодзама*, とざま), вновь прибывшие на службу (*синдзан-но сю*) приближенными (*оку-сю*, をく衆). Норимаса не уделял внимания наследственным вассалам и благоволил недавно принятым на службу, искусных на «пути война» (*бусидо*, 武士だう) назначал управляющими горными и лесными угодьями (*яма хаяси-но бугё*, 山はやしの奉公) или заготовкой древесины (*дзаймоку бугё*, ざひもく奉公), доходами (*бэйсэн-но бугё*, 米銭の奉公)⁷². Поражение Норимаса в битве при Кавагоэ представлено в «К» как закономерный результат неправильной политики даймё по отношению к вассалам.

«К» приписывает Такэда Сингэн слова о том, что искусство военачальника проявляется в обеспечении преданной службы и наследственных, и новых вассалов. Как бы молод ни был самурай, какого бы он ни был низкого положения, если он потомственный вассал, даймё следует обращаться с ним милостиво, тогда новоприбывшие воины любого возраста и положения станут служить ревностно, подражая наследственным вассалам⁷³.

Согласно «К», достойный военачальник точно оценивает людей и использует на службе соответственно их характеру и задаткам. Ходзё Удзиясу хорошо распознавал достоинства и недостатки людей, и его вассалы часто совершали подвиги. Под началом такого господина молодые самураи проявляли рвение в делах, относящихся к «пути войны». Молодые самураи Ходзё служили так, чтобы ни в чем не уступить самураям, прославившим себя при Ходзё Удзицуна, отце Удзиясу. Опытные и отличившиеся на службе вассалы хвалили молодых воинов, а те выказывали уважение к старшим по возрасту сотоварищам⁷⁴.

⁷¹ К. Т. 1. С. 302–303.

⁷² К. Т. 1. С.304.

⁷³ К. Т. 1. С. 303.

⁷⁴ К. Т. 1. С. 131.

Как отмечается в «К», несмотря на то, что в доме Ходзё нет законов (*хатто*, 法度), самураи не вступают безрассудно в стычки⁷⁵. Благодаря Ходзё Удзиясу в его вассальном доме царило согласие между вассалами разного возраста. Манеры поведения и нравы (*гёги сахо*) самураев Ходзё были хороши. Таким образом, в «К» положение дел в вассальном доме зависит и от «политико-административных» способностей даймё: разлад, зависть, бахвальство и спесь, интриги, засилье фаворитов, ссоры, стычки отсутствуют в доме «хорошего» военачальника.

В «К» немало сказано о должных отношениях между господином и вассалами. Способный правитель, следуя чувству долга (*гири*), точно оценивает заслуги и вознаграждает за проявленную преданность. В «К» выше всего ставятся подвиги в сражении. Тем, кто выказал большую отвагу на войне, дается больше земли, чем тем, чьи заслуги скромнее.

Согласно «К», Удзиясу был милостив по отношению к наследственным вассалам и молодого, и преклонного возраста (*фудай родзяку*, 普代老若). Он брал на службу и младших сыновей потомственных вассалов, выдавая жалованье (*кирифу*, きりふ), вознаграждал за верность, и молодые самураи служили усердно. И старые, и молодые вассалы думали, что за такого господина не жалко отдать жизнь⁷⁶.

В то же время «военачальник–дурак» не может распознать сильные и слабые стороны своих вассалов, оценить их заслуги. Он собирает вокруг себя неразумных и глупых, выдвигает вперед недостойных. Его ближайшее окружение (*сюттонин*) – «болваны», которые походят на своего господина⁷⁷. Если нет ума, то нет и понимания долга, а если нет понимания долга, то вассалы не думают о господине, от которого получают благодеяния, но пекутся лишь о себе, отмечается в «К»⁷⁸.

Положение дел в вассальном доме «глупого» даймё представлено в самом неприглядном свете. Старейшие вассалы (*каро*), служившие предшественнику «военачальника-дурака», не смеют вымолвить и слова, боясь клеветы фаворитов. Приближенные же покровительствуют своим родственникам, которые ведут себя дерзко и надменно, делают вид, что радеют о благе князя, а сами лишь желают приблизиться к его особе⁷⁹. Самураи не отличают добро от зла, думают лишь о том, чтобы превознести свои заслуги перед князем, выдумывают небылицы о своих подвигах на войне, оговаривают достойных, стремятся к незаслуженным почестям. Сам даймё преисполнен самодовольства, и его вас-

⁷⁵ К. Т. I. С. 133. Напротив, в доме «неблагоразумного военачальника» (*кокоро-но итарану тайсё*) самураи ссорятся и бранятся между собой даже по незначительному поводу. К. Т. I. С. 128.

⁷⁶ К. Т. I. С. 133.

⁷⁷ К. Т. I. С. 98.

⁷⁸ К. Т. I. С. 100.

⁷⁹ К. Т. I. С. 101.

салы ведут себя не в пример заносчиво. В доме «глупого» военачальника у большинства вассалов плохие манеры. Дурные самураи преуспевают, а у остальных пробуждается своекорыстие. В таком вассальном доме все сверху донизу лишены прямоты, и после его гибели до окончания времен его главу, нравы и обычаи запомнят как дурной пример, указываются в «К»⁸⁰.

«Военачальником-дураком» в «К» представлен Имагава Удзидзанэ (1538–1614)⁸¹. В «К» обличаются нравы его вассального дома. Князь Удзидзанэ не внимал советам немногих достойных вассалов, но прислушивался лишь к тому, что говорил его наперсник Миура Уэмон⁸². На службе преуспевали лишь родственники Миура Уэмон или вассалы, которым он благоволил. После того, как в 11-м году Эйроку (1568 г.) Такэда Сингэн выступил в поход на Суруга, князь Удзидзанэ бежал в замок Какэгава в Тотоми. Тогда его бросил Миура Уэмон, и ни один из родственников или воинов Миура не последовал за Удзидзанэ. Как сказано в «К», в земле Суруга много отважных воинов, но Удзидзанэ ненавидели из-за льстеца Миура Уэмон, и мало кто остался с даймё, когда он оказался в беде⁸³.

Отношения «сверх меры расчетливого военачальника» с вассалами также оказываются лишёнными гармонии. Такой даймё обманывает вассалов, требуя от них службы и не предоставляя взамен ничего, он не в состоянии по достоинству их вознаградить. Одержимый корыстолюбием правитель жалует плохие земли и обременяет вассалов податями: у владельца земель с доходом в 100 *кан мон* (тысяч медных монет), забирает половину дохода, у самурая, земли которого приносят доход в 50 *кан мон*, забирает 25 *кан мон*⁸⁴. Со своей стороны самураи не исполняют должным образом обязанности, ожидая княжеских милостей. Низкоранговые самураи (*касэмоно*, *комоно*) копят жалованье и оставляют службу, многие воины становятся торговцами солёной рыбой и иным⁸⁵.

Один из главных пороков «трусливого военачальника» в «К» – несправедливая и бездумная раздача наград вассалам. Он дарит земли, золото и серебро, рис и медные монеты без всякого разбора⁸⁶. Уэсуги Норимаса слишком часто жаловал земли, отчего его личный домен

⁸⁰ К. Т. 1. С. 99, 100.

⁸¹ Имагава Удзидзанэ правил провинциями Суруга и Тотоми, а также некоторыми областями провинции Микава. Наследовал своему отцу Ёсимото, погибшему в битве при Окэхэдзэма в 1560 г. В 1570 г. княжество Имагава было захвачено домами Такэда и Токугава.

⁸² Миура Уэмон-но сукэ (?–1570) – вассал Имагава Удзидзанэ, пользовавшийся его особым расположением.

⁸³ К. Т. 1. С. 105.

⁸⁴ К. Т. 1. С. 107.

⁸⁵ К. Т. 1. С. 114.

⁸⁶ К. Т. 1. С. 121.

сильно оскудел⁸⁷. Если самураям опрометчиво раздавать земли (*тигё*, 知行), а после их смерти отбирать у наследников, тогда наследники затаят обиду на даймё, рассуждает автор «К». Не стоит жаловать без разбора владения молодым самураям, которые могут оказаться негодными «болванами» (*хорэмоно*, ぼれもの), а после того, как они провинятся, конфисковать пожалования. Ведь тогда не только они сами, но и их родственники и даже достойные самураи, будут думать о даймё со злобой. Если же раздавать земли «дуракам» (*тавакэмоно*, たわけ者), другие вассалы будут этим недовольны, отмечается в «К»⁸⁸.

Вассальный дом *сэнгоку даймё* отличала гетерогенность – наряду с родами потомственных вассалов князю служили недавно покоренные кланы, а также бывшие ронины из других провинций. В этой связи даймё должен выстраивать свою политику с учетом разнородности интересов и устремлений своих самураев. Согласно «К», земельные владения должны жаловаться в первую очередь вассалам, выказавшим военную доблесть. Из всех обязанностей самурая перед господином именно ратная повинность (*гуньяку*, 軍役) в «К» считается наиболее трудной: тот, кто её исполняет, рискует жизнью. Отличившиеся на войне самураи именуется в «К» «преданными и верными» (*тосэцу*, *токо-но моно*, 忠せつ 忠かうの者). Если владения отдавать «преданным и верным», остальные самураи признают такие пожалования справедливыми, подчеркивается в «К»⁸⁹.

Остальные службы самурая уступают по значимости военной повинности: на обычной службе жизнь не подвергается опасности, её может исполнять любой. Вассалам, служащим князю «на татами» (*татами-но уэ-но хоконин*, たたみの上之奉公人), не должно отдаваться предпочтение при раздаче земли, ведь сражавшиеся не щадя жизни самураи будут роптать. Если ни на что негодные люди незаслуженно получают пожалования, воины возненавидят военачальника⁹⁰.

В «К» одним из просчетов Оути Ёситака называется щедрая раздача земель приближенным к нему вассалам, отличавшимся образованностью, утонченными и благопристойными манерами, подобно столичным аристократам. По этой причине многие вассалы возненавидели даймё. Старейший вассал Суэ Харуката будто бы предостерег Ёситака от необдуманного пожалования земельных владений⁹¹. Но князь не прислушался к этим наставлениям, и все его княжество было захвачено Суэ Харуката. Таким образом, несправедливая и ошибочная раздача земель в вассальном доме в «К» рассматривается как одна из предпосылок падения дома Оути.

⁸⁷ К. Т. 1. С.143.

⁸⁸ К. Т. 1. С.132.

⁸⁹ К., Т. 1. С. 265.

⁹⁰ К. Т. 1. С. 266.

⁹¹ К. Т. 1. С. 264.

В доме «хорошего» удельного властителя вассалы учтивы (*ингин*). Под началом «прославленного полководца», хоть и есть хулящие других, но нет ни одного воина, который бы завидовал и презирал врагов. Кэнсин из Этиго хвалил Сингэн, в доме Сингэн не отзывались презрительно о Кэнсин и не завидовали ему. Токугава Иэясу и Такэда Сингэн хвалили друг друга⁹².

В вассальном доме «трусливого» военачальника царит зависть. В доме Уэсуги Норимаса презирали совершивших подвиги, завидовали рассудительным, если они были самураями низкого положения (*сёсин*)⁹³. Уэсуги Норимаса радовался, когда оба его советника, Сугано и Уэхара, бранили дом Ходзё, потому что имел завистливое сердце. Они же говорили, что Ходзё – слабый противник, которого князь Норимаса может сокрушить в любое время⁹⁴. Презрение к врагу, его «недооценка» в «К» представлены как одна из причин поражения *Канто канрэй* в битве при Кавагоэ. Отсутствие презрения к врагу представлено как добродетель и в наставлениях Ходзё Удзицуна, который предостерегает сына: большая победа может вызвать высокомерие и чувство пренебрежения к противнику. С древности было много домов, вследствие этого погибавших. Не следует забывать старинное изречение «побеждая, затягивай покрепче ремешки шлема», призывает он Удзиясу⁹⁵.

Управление княжеством

«Хороший» военачальник мудро управляет княжеством. Он – судья, четко отличающий справедливость от несправедливости. Его награды и наказания понятны⁹⁶. В «К» Сингэн изображен мудрым и беспристрастным судьей, чьими решениями восхищаются вассалы и жители его княжества. Ходзё Удзиясу награждал сообразно заслугам, точно оценивал злые дела и соответственно наказывал⁹⁷. В вассальном доме «военачальника-дурака» напротив царит кумовство, и вершится неправый суд.

Самоуправство и отсутствие правосудия в «К» решительно осуждаются. В «К» Такэда Нобутора, отец Сингэн, представлен как грубый и необузданный князь, склонный к произволу. Когда впадал в ярость, выносил решения, не различая добро и зло. И тех, чья вина была велика, и тех, кто совершил незначительные проступки, карал одинаково. К верным и преданным воинам, которые ни в чем не провинились, отно-

⁹² К. Т. 1. С.140.

⁹³ К. Т. 1. С. 143.

⁹⁴ К. Т. 1. С. 129, 140, 141.

⁹⁵ Букэ какун икун сюэй. С. 121.

⁹⁶ К. Т. 1. С. 127. В «К» управление вассальным домом и княжеством передается словосочетанием *куни-но сюки* (国の仕置).

⁹⁷ К. Т. 1. С. 131.

сился так, что они не смели поднять головы. Тем же, кто нравился ему, даже если они и однажды предавали его, необдуманно давал земельные пожалования. Согласно «К»⁹⁸, правление (*госиоки*) Нобутора шло вразрез с правильным порядком

В «К» подчеркивается и важность законодательной функции даймё. Введение хороших законов (*ёки гохатто*, *よき御法度*) для вассального дома – залог военных побед и подчинения новых земель. С помощью законов можно сделать благопристойными нравы и манеры поведения (*гёги сахо*) людей высокого и низкого звания. Каждый будет знать свое место в социальной иерархии, отличать хорошее от дурного, знать, что есть долг, избегать постыдных поступков и думать о благе господина. Примером таких законов, согласно «К», является свод «Косю хатто-но сидай», введенный Такэда Сингэн в 1547–1554 гг.⁹⁹

Недостойные удельные правители не только ответственны за разложение нравов в вассальном доме, они бездарно управляют княжеством, отягощают простолюдинов всевозможными поборами и выплатами. «Сверх меры расчетливый военачальник», хоть и произносит красивые речи, лишен сострадательности. Ему присуща алчность. Блестящее и роскошное вооружение, конское снаряжение изготавливается за счет выплаты процентов по ссудам, выданным крестьянам и горожанам, а также штрафов, наложенных на самураев за различные провинности¹⁰⁰. Он строит храмы и святилища, но лишь для того, чтобы выставить напоказ свои благодеяния, отчего страдает народ. Людей заставляют работать на строительстве и в страшную жару, и в лютый холод, под дождем и снегом. Будды и божества эти показательные «добрые дела» отвергают, а потому молебни и святилища не достраиваются. Если же одна из десятистроек и доводится до конца, со временем она непременно разрушается землетрясением, пожаром, ураганом или наводнением¹⁰¹.

«Сверх меры расчетливый» даймё заливные поля приказывает обработать в суходольные, а суходольные – в заливные, и тем разоряет народ. Он сравнивается в «К» с крестьянином, который не знает плотницкого ремесла, но дав в долг, берет в залог ремесленные инструменты, и вместо того, чтобы просто хранить их, вознамеривается построить дом¹⁰².

Корыстолюбием «слишком расчетливого военачальника» пользуются сельские богачи и горожане, которые убеждают его ввести новые подати для крестьян¹⁰³. В итоге богатые крестьяне и горожане оказыва-

⁹⁸ К. Т. I. С. 212.

⁹⁹ К. Т. I. С. 261.

¹⁰⁰ К. Т. I. С. 107.

¹⁰¹ К. Т. I. С. 108.

¹⁰² К. Т. I. С. 116.

¹⁰³ Введение разорительных поборов для крестьян ставится в вину Такэда Ёсинобу, который был не даймё, а старшим сыном Такэда Сингэн.

ются в числе приближенных даймё, не считаются с самураями, у которых давние заслуги перед княжеским домом. Они добиваются пожалования земель, завязывают родственные узы с самурайскими родами. Эти браки делают простолюдинов высокомерными, заносчивым становятся и большинство вассалов, которые начинают говорить лишь о купле, продаже и выгоде¹⁰⁴.

В «К» «идеальный» удельный правитель в управлении княжеством должен опираться главным образом на самураев, которым отводится роль военной и административно-политической элиты. Горожан (*тёнин*, 町人) или крестьян (*хякусё*, 百姓) он привлекает лишь при необходимости на ограниченный срок для исполнения некоторых поручений. Составитель «К» подчеркивает, что «хороший» полководец не принимает в ряды вассалов горожан: крестьяне могут оказаться полезными, горожане же не могут стать воинами. Тем самым доступ простолюдинов (прежде всего торговцев) в вассальный дом должен быть перекрыт. Согласно «К» горожане, подражающие самураям, не перестают по своим нравам быть торговцами. Они предпочитают накопить как можно больше добра, не видя никакой пользы в «пути война».

Когда в уделе «сверх меры расчетливого даймё», богатые горожане проникают в состав самурайства, воины становятся похожими на торговцев и пренебрегают «путем войны», их нравы и манеры поведения всё больше портятся. Почти все самураи начинают подражать горожанам – начиная от приближенных даймё до низкоранговых воинов. От лица Косака Масанобу с негодованием говорится о чрезмерном возвышении торговцев при Такэда Кацуёри благодаря поддержке Нагасака Торафуса и Атобэ Кацусукэ. При Такэда Сингэн Хаттамура Синдзэмон из Каи и Сюфу из Синано было дозволено приходить к сторожевому посту усадьбы даймё, но после смерти Сингэн они проходят до опочивальни даймё. Как видно, нравы самураев дома Такэда пришли в упадок, сетует автор «К»¹⁰⁵.

Вместе с тем в «К» не осуждается Такэда Сингэн, который держал на службе Сюнбо из уезда Сува провинции Синано, Хаттамура Синдзэмон из Каи, Мацуки Кэйрин из Киото, относимых в «К» к горожанам (*тёнин*) и простолюдинам (*дзигэнин*)¹⁰⁶. Они стали учтивыми и почита-

¹⁰⁴ К. Т. 1. С. 112.

¹⁰⁵ К. Т. 1. С. 120.

¹⁰⁶ Все они были богатыми торговцами и ростовщиками и одновременно *окурамаэсю* – доверенными княжескими лицами, управлявшими *окура* – складами и хранилищами, куда свозились собранные в качестве податей натуральные продукты (прежде всего, рис) и монета. Из *кура* выдавался провиант воинам Такэда во время походов, предоставлялись ссуды жителям княжества. 新編 武田信玄のすべて. 柴辻 俊六 (編集). (Симпэн Такэда Сингэн-но субэтэ. Сивацудзи Сюнроку хэнсю). Всё о Такэда Сингэн. Новое издание / под ред. Сивацудзи Сюнроку. Токио: Синдзинбуцу орайся, 2008. С. 156–157.

ли всех самураев дома Такэда. Сингэн был милостив и к строителям-плотникам (*дайку*). Одному из них жаловал несколько сотен золотых монет, тот же не допускал неучтивости в отношении самураев, был почтителен даже к самураям низкого положения (*кобито* и *тюгэн*). Те же Хаттамура, Сюнбо и Кэйрин ходатайствовали перед Сингэн за горожан и крестьян, благодаря чему благоденствовали и крестьяне, и ремесленники (*сайкунин*, 細工人)¹⁰⁷. Таким образом, ограниченное использование князем торговцев не возбраняется.

В «К» неоднократно подчеркивается важность «социального этикета» для поддержания социальной иерархии: крестьяне и горожане в княжестве «хорошего» военачальника проявляют почтительность к самураям, включая и низкоранговых воинов – *комоно*, *тюгэн*, *вакато*. Однако чрезмерное усиление торговцев в «К» порицается: оно приводит к порче нравов самураев, проникновению «торгашеского духа» в вассальный дом.

Положительно характеризующие даймё, обладающие сострадательностью, жалуют земли храмам и святилищам, заботятся о буддийских монахах¹⁰⁸, постигают буддийское вероучение. Так, Такэда Сингэн покровительствует многим буддийским школам, а также знаком со знаменитыми буддийскими наставниками. Однако недостатки и достоинства, деяния удельного правителя в «К» рассматриваются, прежде всего, в контексте системы ценностей военного дворянства, находящейся под влиянием конфуцианства, а не в рамках буддийской религиозной доктрины.

Воля неба и фортуна полководца

Не только личные качества даймё определяют будущее его рода и княжества. В «К», как и в других «военных повестях» начала эпохи Токугава, небо (*тэнто*, てんたう(天道), дословно «путь неба») – безличная божественная мистическая сила, которая влияет на судьбы военачальников. Понятие *тэнто* в эпоху Муромати имело следующие значения: 1) естественные принципы (законы), лежащие в основе природных сил и мироздания; космическое провидение; 2) небесное божество, отвечающее за космическое провидение; сила, надзирающая за всеми делами людей, сравнивающая их поступки с принципами (законами) мироздания, определяющая людские судьбы и требующая повиновения; 3) небо – один из шести кругов существования (будд. термин); 4) бог в христианстве¹⁰⁹. В «К» *тэнто* имеет второе из вышеперечисленных значений.

Творящего злодеяния и нарушающего моральные нормы даймё постигает небесная кара. Так, основатель дома Гоходзэ Ходзэ Соун, став вассалом дома Имагава, и получив помощь этого клана, захватил землю

¹⁰⁷ К. Т. I. С. 150, 151.

¹⁰⁸ К. Т. I. С. 306.

¹⁰⁹ Дзидай бэцу...Муромати дзидай хэн. Т. 4. С. 194–195.

Идзу. Однако Удзицуна, сын Соун, забыл о благодеяниях, оказанных отцу, и занял часть земель Имагава в провинции Суруга, тем самым презрев свой долг (*гири*) по отношению к Имагава. Но впоследствии эти земли были отняты у Ходзё Такэда Нобутора. Вслед за этим Имагава Ёсимото женился на дочери Нобутора, в качестве приданого получившую ту самую часть Суруга, которая была когда-то захвачена Ходзё. Таким образом исконные владения были возвращены Имагава, а небо показало, что гневается на Ходзё¹¹⁰. Такэда Ёсинобу, старший сын Сингэн, возжелав убить отца, нарушил волю небес. Его гибель представлена в «К» закономерным итогом его прегрешений.

Если небо благоволит даймё, ему сопутствует исключительная удача – *кахо* (くわほう、果報). Слово *кахо* в эпоху Муромати имело несколько смыслов: 1) воздаяние за добро и зло, совершенное человеком в предыдущей жизни; 2) удачливость, везение, счастливая судьба как результат воздаяния за благие дела предыдущей жизни¹¹¹. В «К» *кахо* в основном имеет второе из указанных значений, однако связь этого понятия с буддийским вероучением практически не акцентируется. Так, в «К» описывается удачливость Ходзё Соун, но не объясняются причины благоволения к нему фортуны. Между тем в своих поучениях Ходзё Удзицуна также отмечает, что его отец пользовался благосклонностью небес, поскольку был бережлив и отверг роскошь¹¹².

Удачливый может быть как военачальник, так и княжеский дом. Невероятное везение Ходзё, согласно «К», состояло во вражде Яманоти и Огигаяцу, двух ветвей дома Уэсуги в области Канто. Благодаря этим распрям Ходзё увеличили свое могущество¹¹³. Князь Удзиясу может собрать войско числом больше 70 тыс. человек. Это могущество восходит к Ходзё Соун, с которым никто не может сравниться, отмечает составитель «К». Однако подражать человеку со счастливой судьбой (*фу-но ёки хито*, ぶのよき人) бессмысленно. Его наследникам не следует стремиться походить на предшественника, поскольку даймё первого поколения одаряло своими милостями небо (*тэнто-но мэгуми*, 天道のめぐみ). Хотя он рисковал, небо было благосклонно, и до самой смерти удача ему не изменяла. Если же его наследники решатся так же рисковать, их ждет провал. Небо не дарит милости всем поколениям, подчеркивается в «К»¹¹⁴.

Когда «запас» *кахо* иссякает, даймё изменяет удача, он гибнет в сражении, неожиданно умирает, лишается власти и т. п. В «К» рассказывается

¹¹⁰ К. Т. 1. С. 136.

¹¹¹ Дзидай бэцу кокуго дайджитэн. Т. 2. С. 849. В «К» встречается и понятие *току* (徳, кит. дэ) – «добродетельности» даймё. Однако сколько-нибудь подробного объяснения этого понятия в «К» нет.

¹¹² Букэ какун икун сюээй. С. 121.

¹¹³ К. Т. 1. С. 128.

¹¹⁴ К. Т. 1. С. 111.

о победоносном военачальнике Мацудайра Киёясу (1511?–1535). Ему удалось подчинить всю провинцию Микава, и он намеревался усмирить землю Овари. Не раз он наносил поражение самураям Овари, имея лишь 1 тыс. самураев, разбивал 5 тыс. врагов. Киёясу совершал походы на Овари, Мино и Исэ. Его могущество проявлялось и в ближних, и в дальних областях Японии. Его дом снискал воинскую славу, ронины из дальних земель стремились поступить на службу в дом Мацудайра. Но Киёясу неожиданно погиб¹¹⁵, его удача была невелика (*кахо сукунаки хито*, くわはうすくなき人), отмечается в «К». После этого его сыну Хиротада перестали повиноваться даже жители Микава¹¹⁶.

Вместе с тем непостижимая воля небес в «К» – не единственный фактор, определяющий судьбу даймё. Как уже говорилось, в «К» раскрывается связь между личными пороками, недостойным поведением даймё и его неудачами или падением. Так, победа в войне прославляет имя военачальника на всех четырех сторонах света. Но постыдно, не имея заслуг, желать славы. Не ведающий этого стыда военачальник привлекает тех, кто его хвалит, а с верными и преданными самураями обходится дурно, навлекая на себя ненависть. Его постигнет «наказание со стороны людей» (*нинбати*, にんぱち). Имея большую армию, он будет разбит малочисленным врагом и опозорит свое имя¹¹⁷. В «К» также показывается, как недобродетельный удельный князь может быть наказан своими вассалами, предающими или восстающими против него.

Заключение

Представления о добродетелях и пороках даймё, зафиксированные в «К», отражают реалии периода смут и раздоров, потрясений и конфликтов периода *Сэнгоку*. Неслучайно среди достоинств удельного князя первостепенное значение придается военной доблести и военному искусству, которые гораздо важнее для даймё, чем ученость, умение слагать стихи, любование прекрасным и утонченным. Расширение пределов княжества, удержание завоеванного – первейшая цель удельного князя. Вместе с тем он должен быть не только искусным воителем, но и умело управлять вассальным домом. Его достоинства и должное поведение положительным образом воздействуют на нравы и манеры поведения самураев. Такой удельный князь умеет использовать способности своих людей, по достоинству их вознаграждает. Он – справедливый судья и законодатель, обеспечивающий порядок и не допускающий распрей среди своих воинов. Поддержание мира и порядка в вассальном доме должно сплачивать самураев, способствовать росту их мас-

¹¹⁵ Во время похода на Овари Мацудайра Киёясу погиб от руки своего вассала.

¹¹⁶ К. Т. 1. С. 307.

¹¹⁷ К. Т. 1. С. 304.

терства на «пути войны», и, в конечном счете, привести к военным победам.

В «К» акцентируется личная ответственность даймё за состояние вассального дома и судьбу княжества. В то же время его судьба зависит не только от его качеств и морального облика, но и от благосклонности высших сил. Небеса могут не наделить удачливостью и везением, хотя непременно карают недостойных. В «К» власть правителя не имеет сакрально-религиозной основы. При этом добродетельный даймё выступает как светский правитель, покровительствующий буддизму. Представляется, однако, что конфуцианский компонент в представлениях самурайства о даймё в «К» несравненно важнее буддийского. При этом высокое значение, которое придается в «К» военной доблести как атрибуту княжеской власти, не характерно для конфуцианской парадигмы.

Характер и качества правителя, войны с другими даймё, подвиги самураев, нравы и обыкновения воинов, отношения внутри вассального дома – эти темы, пожалуй, более всего интересуют автора «К». Куда меньше написано об управлении княжеством, политике по отношению к другим социальным слоям, например, горожанам, крестьянам. Мудрый правитель, согласно «К», обязан не допускать проникновения горожан и простолюдинов в вассальный дом, чтобы самураи не прониклись духом наживы и не забросили «путь лука и стрел».

Сравнительно немного внимания уделено и необходимым качествам «хорошего» князя-военачальника как «гражданского» правителя, а не военного вождя. Исключением можно считать лишь судебную функцию. Сопоставление «К» и более ранних по происхождению наставлений Ходзё Удзицуна показывает немалое сходство представлений о добродетелях и пороках удельного правителя. Это может говорить не только о знакомстве авторов и составителей «К» с поучениями Ходзё, но и об общности ценностей и социально-политических воззрений, отраженных в обоих памятниках. Представляется, что это лишний раз подтверждает пригодность «К» для изысканий, связанных с изучением менталитета военного дворянства периода *Сэнгоку*.